

Когда военному пенсионеру Станиславу Жихареву позвонили из Столетова и сообщили о кончине тёти — Александры Ивановны, он сразу же собрался в путь. Тётя прожила жизнь вековухой, родных почти не было, поэтому мать Жихарева тоже собралась на похороны, но он не взял её.

— И чего там делать будешь? — грубовато спросил он, приобняв плачущую маму.

— С Шурой прощусь — вот чего! Сестра всё-таки!

— Ну и как себе это представляешь, если к коляске приросла? Так что, мам, нет такой возможности. Помолись за тётю Шуру — этим и успокой себя. А я всё улажу. Не переживай.

Этот разговор был две недели назад. Тогда Жихарев ездил в Столетово с женой, оставив больную мать на попечение дочери. После похорон, уладив дела с нотариусом, он заказал в бюро оградку на могилу и заколотил заднюю дверь. Напоследок они с женой отключили свет и газ, очистили холодильник, снимали с насеста полдюжины кур и отнесли соседке Петровне, повесили замки и уехали в город.

И вот, получив на днях известие о готовности оградки, Жихарев вновь оказался в Столетове. Сразу заехал в бюро, договорился, что завтра оградку отвезут на кладбище, и поехал к знакомому дому. Остановился, вышел из машины, присел на лавочке, наливаясь покоем и чистым воздухом, настоящим на запахе отцветающей сирени. Мог бы так сидеть бесконечно, но до слуха донеслось шуршание в сарае. Когда оно повторилось — заинтересовался, зная, что там никого не должно быть.

Он прошёл за ограду, отыскал нужный ключ. Когда открыл ворота, переступив через грязь недавней лужи, то увидел лежавшую на боку индюшку, смотревшую на него одним глазом... От её неподвижного мутного взгляда он оторопел. «Ты чья? Как попала сюда?» — сразу резанул душу вопрос. Посмотрел далее и увидел десятка полтора индюшат; некоторые из них закопошились при его появлении. И Жихарев всё понял. В тот день, когда они с женой отдали кур соседке, не заметили в тёмном углу сидевшую на гнезде индюшку, а она в положенный срок высидела индюшат и оказалась вместе с ними в западне. И как только эта мысль пронзила сознание, он метнулся в дом, набрал из крана воды в подвернувшуюся миску и побежал к умирающим птицам. В этот момент он не заметил, как начали душить слёзы, а руки задрожали.

Перво-наперво он собрал шевелившихся птенцов, попытался напоить, но у них совсем не осталось сил. Тогда Жихарев, набрав в рот воды, начал буквально вдвигать её в сухие рты. Когда индюшата, зашевелив острыми языками и широко раскрывая клювы, напились, Станислав напоил изо рта индюшку, взяв её на руки — невесомую, как комок

ваты, покрытый перьями. Она сперва мотала головой, будто захлёбываясь, пускала пузыри из маленьких ноздрей, а потом, промочив горло, сама потянулась к миске с водой. Запрокидывая голову, попила, но обессилела и завалилась на бок, продолжая шевелить клювом.

Глядя на птиц, Жихарев подумал: «Господи, за что им такие страдания? Сколько же им выпало испытаний в этом сарае!» Ему в какой-то момент показалось, что это и не птицы вовсе, а маленькие высохшие люди, превратившиеся от накрывшего несчастья в невесомые существа. Он вспомнил историю из своего детства, когда, пятилетним, играя, забрался в сундук, крышка которого захлопнулась на петлю, и просидел в темноте несколько часов, чуть не задохнувшись. Звал на помощь маму, обыскавшуюся сынишку, не слышавшую его криков из-за включённого радио. И вот теперь эти птенцы... Он сбегал в дом и, вернувшись, начал поить повторно, подталкивал птенцов к воде, и они, едва удерживая равновесие, пытались самостоятельно тюкаться клювами в миску.

В какой-то момент индюшка тоскливо посмотрела на Жихарева, будто собралась умирать.

— Отставить! Не для того дождалась меня! — серьёзно сказал он, будто она могла понять его приказание.

Индюшата принялись встряхивать распушёнными пёстрыми крыльями, словно стесняясь растрёпанного вида, а он начал думать, чем накормить птиц. Он знал, что после долгого голодания никому нельзя переедать. Достав из машины сумку с продуктами, колбасу и сыр Станислав отложил, зато накрошил хлебушка, размочил его. Индюшка сразу схватила кусок с его ладони, а птенцы не понимали, чего он хочет от них. Но стоило положить им в клюв по малюсенькому кусочку, они сразу потянулись к его руке, запищали, загалдели, окружили.

Покормив всех, он сел у раскрытых ворот на подвернувшемся пенёчке, с замиранием сердца наблюдая, как его заморыши наливаются силой; слегка жмурясь, начинают вытягивать шеи, пытаются разглядеть новую для себя жизнь по ту сторону ворот. Мутная плёнка сошла с их глаз, и они тарасились на открывающийся мир чёрными бусинками, словно любопытные дети.

Индюшата быстро устали после счастливого спасения и в какой-то момент, как по команде, уткнулись клювами в земляной пол, будто заоченели. Жихарев подумал, что околели, но заметил, что их спутанные пёрышки на брюшках слегка шевелятся от дыхания. Стараясь не разбудить живых, он собрал бездыханных и заоченевших птенцов в пакет, взял лопату и на участке похоронил их. Когда вернулся, решил перекусить. Налил из термоса кофе, достал бутерброды. Теперь можно было спокойно посидеть, зная, что выжившие птенцы не пропадут. Думая о них, он радовался своей размякшей душе, и эта мягкость давно не посещала наполовину седого полковника, привыкшего быть грозным.

Жихарев не заметил, как, переваливаясь по-гусиному, подошла приземистая соседка, окликнула:

— Станислав Фёдорович, с прибытием! Вот яичек несу к столу!

Жихарев приложил палец к губам.

— Что такое? — удивилась соседка.

— Загляни в сарай. Только не шуми.

У соседки сразу родилось любопытство. Когда она вернулась, то испуганно перекрестилась:

— Это что же такое творится-то? Неужели одни выжили?

— Доживали... Ещё немного — и всем бы конец пришёл! Хорошо, корытце с комбикормом оставалось.

— Ой, они, значит, с похорон там томились! Я-то думала, что вы с женой продали кому-то индюшку. А что же они пили-то?

— Наверное, из лужи у ворот. Дожди часто шли?

— Перепадали время от времени.

— Это и спасло их. Так что теперь забирай выводок себе, выхаживай. Я своё дело сделал. Только сразу много не корми. Денёк-другой — помаленьку. Давай-ка сразу перенесём, пока они не оклемались по-настоящему, а то разбегутся — потом не поймашь.

— Ой, погоди, парень... И чего же мне с ними делать, такими квёлыми? Забот будет полно, а неизвестно — выживут ли?! Только зря на них корм переведёшь.

Станислав не думал, что соседка откажется, помня, как она недавно радовалась бесплатно доставшимся курам.

А теперь другой поворот. Если бы знал, по-иному поступил бы тогда. Хотел укорить, но язык не отважился на обидные слова.

— Ну ладно. Тогда пойду в доме разберусь! — сказал он, желая поскорее расстаться с соседкой, сразу ставшей неприятной.

Видимо, поняв его, она быстренько укувыляла, а он подошёл к индюшке, заглядывавшей ему в глаза, сказал, словно она могла понять:

— Страшное позади. Не переживай — найду тебе новую хозяйку. Мир не без добрых людей. Мог бы, конечно, в город отвезти, но жена не одобрит. Да и где держать? На балконе? По уставу не положено!

«Поговорив» с индюшкой, прикрывшей собой птенцов, он вернулся на лавочку и долго сидел перед домом, ничего не желая делать, а тем более о чём-то думать.

Позвонила жена, укорила:

— Чего молчишь-то? Ведь обещал сообщить, как доедешь! А то я переживаю!

Он мог бы удивить невероятным случаем, но не хотелось пересказывать то, от чего пока не пришёл в себя. Поэтому ответил по-офицерски немногословно и чётко:

— Докладываю: я в Столетове. Всё у меня штатно.

Н. Черногорец, С. Кузичкин, В. Пронский, В. Иванова в редакции газеты «Московский железнодорожник». Москва, май 2005